

Тотиева Антонина Николаевна

ЖАНРОВО-СТИЛЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РАССКАЗОВ ТАМЕРЛАНА ТАДТАЕВА

В статье рассматривается жанрово-стилевая организация рассказов современного осетинского писателя Тамерлана Тадтаева. Автор статьи анализирует концептуальные основы и художественные особенности рассказов писателя. Т. Тадтаева в его военных рассказах интересует человек, его мысли и чувства, поскольку любая война - это испытание человека на прочность и нравственную состоятельность. Рассказы писателя вписываются в общий контекст произведений данной тематики, продолжая реалистические традиции в изображении войны.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/3-1/14.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 3(57): в 2-х ч. Ч. 1. С. 58-60. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82.0

В статье рассматривается жанрово-стилевая организация рассказов современного осетинского писателя Тамерлана Тадтаева. Автор статьи анализирует концептуальные основы и художественные особенности рассказов писателя. Т. Тадтаева в его военных рассказах интересует человек, его мысли и чувства, поскольку любая война – это испытание человека на прочность и нравственную состоятельность. Рассказы писателя вписываются в общий контекст произведений данной тематики, продолжая реалистические традиции в изображении войны.

Ключевые слова и фразы: художественный текст; жанрово-стилевые особенности; рассказы о войне; грузино-осетинский конфликт; модально-эмотивный смысл; концепт «война»; автор-рассказчик; интерпретация.

Тотиева Антонина Николаевна, к. пед. н., доцент
Северо-Осетинский государственный педагогический институт
a_totieva10@mail.ru

ЖАНРОВО-СТИЛЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РАССКАЗОВ ТАМЕРЛАНА ТАДТАЕВА

Осетинский прозаик Тамерлан Тадтаев известен по сборникам рассказов «Сын», «Отступник», «Судный день», «Полиэтиленовый город» и «Литеры». Его называют хроникером грузино-осетинского конфликта. Психотерапия через прозу, по признанию самого автора, превратилась в творчество, а очевидец и непосредственный участник войны стал начинающим, но уже известным писателем.

Тема войны – одна из ключевых как в русской классической, так и в современной литературе – достаточно обратиться к творчеству М. Лермонтова, Л. Толстого, М. Шолохова, Ю. Бондарева, Б. Васильева, В. Маканина. Но о какой бы войне ни шла речь, писателя всегда интересует человек, его мысли, чувства, душевное состояние, поскольку любая война – это испытание человека на прочность, нравственную состоятельность. И рассказы Т. Тадтаева вписываются в общий контекст произведений данной тематики, продолжая реалистические традиции в изображении войны, выпукло и зримо представляя неискушенному читателю правду времени, изображая национальный конфликт изнутри.

Существенный параметр художественного текста – его жанрово-стилевая оформленность. С точки зрения М. М. Бахтина, жанр как «устойчивый тип высказывания» характеризуется тремя неразрывно связанными друг с другом составляющими: «тематическим содержанием», «стилем» и «композиционным построением» [1, с. 428]. Жанрово-стилевые особенности текста подготавливают читателя к восприятию содержания, заключенного в нем.

Обратимся к рассказам Тамерлана Тадтаева о войне – именно так определяется автором жанр анализируемых эпических текстов.

В основе сюжета «Судного дня» – события 8 августа 2008 года, когда Цхинвал подвергся бомбардировке и массированному обстрелу из гранатометов, минометов и других видов современного оружия массового уничтожения и практически был стерт с лица земли.

Повествование ведется от лица автора-рассказчика, свидетеля и участника описываемых событий, что придает ему особую достоверность и убедительность. Эмотивное пространство текста сгущается, поскольку его диктально-эмотивные и модально-эмотивные смыслы исходят из мировидения автора-рассказчика и составляют эмотивное содержание текста.

Ключевой концепт в рассказе – война, поскольку именно он держит на себе сюжет и композицию, определяет эмотивные смыслы текста, представляет собой ядро индивидуальной авторской художественной картины мира, воплощенной в тексте. Композиционной особенностью рассказа является прием контраста: мирная, размеренная жизнь с такими ценностями, как любовь, дружба, семья, противопоставлена жестоким реалиям войны, уродующим сложившиеся национальные стереотипы о моральных устоях общества. Усиливает контрастность в описаниях войны и всего, что с нею связано, включение автором в текст «Стихов из мотельника», лирические интонации которых диссонируют с основной темой рассказа («Моя жизнь – чередование войн, и даже в перерывах между ними я воюю с сама собой», «Мать моя! Ты видишь, как сидит твой сын, и впадаешь от этого в детство» и др.) и являются выражением авторского «я» в раскрытии темы.

В начале рассказа война предстает как некая фантазмагория, ирреальность, поскольку сознание автора-рассказчика отказывается ее воспринимать как объективную сущность: «Мы актеры, играющие в дешевом боевике...

Внимание: снимаем сцену прощания с родными. Так, больше драмы, больше слез! Вас в любой момент могут убить или взять в плен... Так, хорошо. Снято! Молодцы. Отдохнули? Теперь выбираетесь из сада на улицу и ужасаетесь при виде младенца, раздавленного гусеницами танка» [4, с. 58-59].

Ирреальность восприятия происходящего сменяется осознанием трагедийности событий: война дамочным мечом падает на головы всех, кто вовлечен в ее водоворот, и не щадит никого. Растерянность и чувство животного страха уступают место жестокости, когда размываются складывавшиеся веками нравственные понятия, определяющие ментальность кавказских народов – почитание старших, уважение к женщине, сострадание к беззащитным. Впечатляет рассказ юного осетинского ополченца: «Вытащив гранаты из “лифчика”, быстро пересек двор и закинул лимонку в окно. Взрыв потрянул дом, и я вошел в комнату, где стонал уже не один раненый. Подобрал вот этот автомат и прикончил пятерых солдат. Шестой умолял не убивать его. Говорил, что он

один у больной матери... Я пообещал. Все это страшно меня развеселило. Из гаража я принес канистру с бензином и, облив горячим раненого, засунул ему в рот лимонку...» (курсив автора – А. Т.) [Там же, с. 65].

Следует отметить, что речь и автора, и персонажей в жанровом отношении достаточно разнообразна и отражает развитие сюжета рассказа. Так, информационный жанр представлен не только в авторской речи, но и в речи персонажей, например, в приведенном выше рассказе юного ополченца, хотя доминирует в речи персонажей, безусловно, жанр беседы.

Символично название рассказа – «Судный день», отсылающее читателя к библейскому судному дню, когда человек предстанет перед Всевышним и на чашу весов будет положено все, что он совершил в своей жизни.

Рассказ «8 августа» построен как воспоминание автора-рассказчика о трагических событиях, произошедших в этот день в 2008 году. Эмотивный смысл концепта «война» репрезентируется в нем следующим рядом словосочетаний: *сожженные дома, самая страшная война, проклятый день, вопли раненых, город в агонии, испуганные женщины, смертоносные гостинцы, ввязываемся в бой, прошил голову стрелка...*

Интерпретативная и регулятивная функции текста исходят при этом из экстенциональных эмотивных смыслов текста, его эмотивной лексики, которую вводит автор, стремясь повысить эмотивное воздействие на читателя. В этом небольшом по объему рассказе слово «война», как, впрочем, и в других рассказах Тадтаева, – его текстовая доминанта, отражающая авторскую позицию и концепцию: война – трагедия для народа, разрушение национальных устоев бытия, ведущее к деградации общества в целом и личности в частности. В рассказе «8 августа», описывая трагические события этого дня, автор не скупится на краски: «Спотыкаюсь о чью-то оторванную ногу и падаю на безголовое тело женщины. На асфальте красной краской нарисован младенец с отпечатком гусениц. Что это, сон или явь?» [5].

Можно упрекнуть автора в натурализме, излишних подробностях в описании военных событий, но как уйти от «правды вещей» тому, кто все это видел собственными глазами, пережил смерть своих родных и друзей и остался со всем этим жить? «В какой-то момент война перестает восприниматься как аномалия, становится сначала привычной, а впоследствии просто заменяет жизнь или становится другой формой жизни. Подобное переформатирование человеческой сущности... совершается на глубинном, подсознательном уровне и приводит к созданию психогенномодифицированного человеческого продукта» [6, с. 204].

Повествователь в рассказе персонифицирован, выступает в качестве действующего лица, он непосредственный участник действий, лицо, вспоминающее о потрясших его душу событиях, что придает особый эмотивный смысл тексту.

Как и в анализируемых выше рассказах, в «Отступнике» повествование ведется от первого лица. В основе сюжета – один день из жизни автора-рассказчика и его друзей-ополченцев, защитников Цхинвала, однако в центре повествования не военные действия как таковые, а столкновение различных жизненных позиций персонажей, безусловное осуждение автором мародерства и его отвратительных проявлений. Автор не скупится на лексические средства, подчеркивающие негативную оценку происходящего. Эмотивный смысл слова «мародеры» представлен следующим рядом словосочетаний: *рыщущих по ночному замерзшему городу, встретил отмороженного, мерзкие твари, гнусную рожу, похожий на шакала дружок, пристрелить ублодков*. «Установка на передачу субъектно-речевого плана героя, его точки зрения приводит к субъективизации авторского повествования» [2, с. 93]. Речевой контекст при этом содержит собственно авторское повествование, одноплановое и объективное.

Однако смысловая доминанта текста, отсылающая к заглавию рассказа, – осознание бессмысленности и чудовищности происходящего, неприятие братоубийственной войны грузин с осетинами, жившими в добрососедстве века на благословенной кавказской земле и ставшими заложниками политических интриг правителей.

«Мы же люди! Неужели не понимаете? Мы стреляем друг в друга, убиваем! Ради чего, а? Это просто невыносимо! Я не могу больше этого терпеть! Не хочу стрелять в вас! Не хочу, чтоб вы стреляли в нас! Мы же не звери, а? Посмотрите на солнце, на небо, разве мы не можем просто жить и радоваться, глядя на эту красоту?» [3] – эти слова грузинского милиционера, обращенные к осетинским ополченцам, – лейтмотив повествования.

Трагичен финал рассказа: милиционера уводят «свои», воспользовавшись коротким перемирием, и расправа над ним неминуема: ведь для грузин «отступник» является предателем. Однако состояние катарсиса, овладевшее душой главного героя рассказа и подвигшее его на отчаянный и на первый взгляд бессмысленный поступок, вносит в повествование оптимистичную ноту.

Рассказы Т. Тадтаева вписываются в контекст современной русской прозы, ориентированной на опыт реализма в его *неореалистическом* варианте: откровенно публицистических романов А. Проханова «Последний солдат Империи» (1993), «Чеченский блюз» (1997), документальной повести С. Алексиевич о войне в Афганистане «Цинковые мальчики» (1991), романа З. Прилепина «Патологии» (2004) о войне в Чечне.

Список литературы:

1. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. 543 с.
2. Николина Н. А. Филологический анализ текста. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 256 с.
3. Тадтаев Т. Х. Отступник [Электронный ресурс]. URL: <http://biblio.darial-online.ru/text/Tadtaev/3.shtml> (дата обращения: 23.09.2015).
4. Тадтаев Т. Х. Судный день. Рассказы // Дарьял. 2009. № 5. С. 43-67.
5. Тадтаев Т. Х. 8 августа [Электронный ресурс]. URL: <http://biblio.darial-online.ru/text/Tadtaev/24.shtml> (дата обращения: 09.09.2015).
6. Шаронова Е. А., Гудкова С. П., Дубровская С. А. Война как карнавал смерти (на материале романа З. Прилепина «Патологии») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 6 (36): в 2-х ч. Ч. 1. С. 204-207.

GENRE AND STYLE ORGANIZATION OF STORIES BY TAMERLAN TADTAEV

Totieva Antonina Nikolaevna, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
North Ossetian State Pedagogical Institute
a_totieva10@mail.ru

The article examines the genre-style organization of stories of a contemporary Ossetian writer Tamerlan Tadtayev. The author of the article analyzes the conceptual foundations and literary peculiarities of the writer's stories. T. Tadtayev in his war stories is interested in a man, his thoughts and feelings, as any war is a test of a man's endurance and moral capability. The writer's stories fit into the general context of works of this subject matter and continue realistic traditions in describing the war.

Key words and phrases: literary text; genre-style peculiarities; stories about war; Georgian-Ossetian conflict; modal-emotive meaning; the concept of "war"; the writer-narrator; interpretation.

УДК 82

Статья раскрывает содержание публицистической деятельности учёного-фольклориста Хамида Хуснутдиновича Ярмухаметова (Хамида Ярми), которая отображает огромный документальный материал о самых разных явлениях социально-культурной жизни сибирских и поволжских татар и является источником изучения татарской культуры 1930-1980-х гг. Публицистический метод Хамида Ярми является целостным идейно направленным отображением важных событий современной ему культурной жизни. Как публицист, он сочетает в себе черты общественного деятеля и качества исследователя и художника. В статье рассмотрены особые идейно-тематические разновидности, повествовательные формы и жанры, выделяющиеся в публицистической деятельности Хамида Ярми.

Ключевые слова и фразы: публицистические произведения Хамида Ярми; учёный-фольклорист; культура сибирских и поволжских татар; фольклор; устное народное творчество татарского народа; общественно-политическая жизнь; жанры и формы публицистической деятельности.

Уразова Насия Мухамедчановна, к. филол. н.
Тюменский государственный нефтегазовый университет
nasiyaurazova@yandex.ru

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ХАМИДА ЯРМИ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРЫ

Актуальность темы исследования заключается в том, что публицистика, формируя общественное мнение, взгляды, интересы и стремления граждан, оказывая влияние на социальные институты, играет особую роль в жизни социума и служит острейшим инструментом культурной, воспитательной и пропагандирующей, организационной и информационной формами работы в обществе. Научная новизна работы состоит в том, что публицистическая деятельность учёного-фольклориста Хамида Ярми как часть советской татарской публицистики и как источник изучения культуры, до сих пор почти не рассматривалась в работах исследователей [11].

Цель работы: исследовать публицистическую деятельность учёного-фольклориста Хамида Ярми как источник изучения культуры сибирских и поволжских татар.

Уроженец с. Казарово Тюменского округа Хамид Хуснутдинович Ярмухаметов (литературный псевдоним – Хамид Ярми), известен как учёный-фольклорист, а также как яркий и своеобразный талантливый публицист. Отображение и оценка ситуаций современности в публицистических произведениях Хамида Ярми протекали в свете социально-классовых идеологических позиций как комсомольца, а в последующем, как коммуниста, и сопровождались, несомненно, пропагандой идеалов социализма. Однако Хамид Ярмухаметов всегда стремился создавать правдивую картину жизни, объективно оценивать явления современности, выносить справедливые «приговоры» и показывать реальные перспективы.

Публицистическая деятельность Хамида Ярми содержит огромный документальный материал о самых различных явлениях социокультурной жизни сибирских и поволжских татар, свидетелем которых, по воле судьбы, ему суждено было стать. В связи с этим для представителей последующих поколений публицистика Хамида Ярми выступает как история общественной и политической деятельности, как источник истории, который содержит общие фактические материалы, характеристику соотношений разных общественных и политических групп, художественные образы культурных явлений, личностей, бытовых форм, сведений о научной и культурной жизни.

Публицистический метод Хамида Ярми является целостным идейно направленным отображением важных событий современной ему культурной жизни. Ещё в тюменский период жизни, будучи молодым учителем и инспектором национальных школ, Хамид Ярми беседовал с трудящимися города и села, слушал народные пословицы и поговорки, сам знал и исполнял образцы фольклора сибирских татар, исследовал устное народное творчество своего народа. Собирая конкретные сведения, он применял эмпирические методы: наблюдал,